

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ СИМВОЛА “ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК” В СКАЗКЕ ПУШКИНА

Елена П о г о с я н

“Сказку о золотом петушке” А.С. Пушкин написал в Болдине осенью 1834 года. Кроме нее в эту осень в Болдине он не написал ничего.

“Сказка о золотом петушке” чрезвычайно лаконична, что усилено обширными повторами в описании петушка. Это не дает возможности судить о роли и значении Золотого петушка, не выходя за пределы текста. Все повторяющиеся в тексте элементы, которые давали бы возможность судить о категориальной основе системы значений сказки, во-первых, повторяются минимальное количество раз: как правило, это два несводимых к одному значению употребления* или точное повторение целого сегмента текста. Во-вторых, они практически лишены ограничивающего, фокусирующего смысл контекста. В результате наиболее актуальными становятся “дальние”, существующие за пределами сказки, контексты.

В связи с этой особенностью сказки, основное направление ее изучения всегда было связано с поиском источников образов главных персонажей сказки и, в первую очередь, петушка /1/. Задача настоящей работы — дополнить эту картину некоторыми частными замечаниями, по возможности оперируя общеизвестными контекстами, узнавание которых было, по всей видимости, необходимым условием понимания сказки.

Первое описание петушка в сказке совпадает с завязкой сюжета: мечтающий о покое царь Дадон получает возможность осуществить свою мечту с помощью волшебного сторожа.

*Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.*

* Таковы, например, использование понятия греха по отношению к скопцу (“сам себя ты, грешник, мучишь”) и царь-девице (“не боится, знать, греха”) или употребление слов “чудо” и “чудесный” при описании похода Дадона.

Чуть опасность где видна,
Верный сторож как от сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: “Кири-ку-ку.

Царствуй, лежа на боку!” /2/ (II, 275)

Здесь петушок выступает как страж государства, замечая в этой функции царя Дадона и отдавая свое качество золотой игрушки “быть неподвижной” царю. Такое замещение, как показал Р.О. Якобсон, включает “Сказку о золотом петушке” в круг текстов, которые воплощают скульптурный миф Пушкина — миф об ожившей статуе /3/. Как символ петушок в данном случае выступает в своем наиболее общем и распространённом значении: “Петух значит Бдение, Бодрствие” /4/, то есть как бдительный сторож сонного царства царя Дадона.

Однако петушок, сам являя бдение и бодрствие, позволяет погрузиться Дадону в сонное забытие, неподвижность. Здесь он выступает в функции райской птицы. Традиционно райская птица описывается как драгоценная. Приведем два примера.

Первый — стихотворение Державина “Царь-девица”. Наименование героини, использование имен и эпизодов “Бовы”, ключевая формула “лежа царством управляла”, некоторые выражения, перенесенные в “Сказку о золотом петушке”, — все это свидетельствует о том, что в период работы Пушкина над сказкой державинское стихотворение было в поле зрения поэта. В этом стихотворении Державин дает описание “эдемского индея”:

...эдемского индея,
Гребень — звезд на нем нарост,
Пурпур — крылья, яхонт — шея,
Изумрудный зоб и хвост /5/.

В стихотворении Державина этот “эдемский индей” помещен сразу в два символических ряда. Во-первых, он принадлежит ряду “птички райски” — “соловьи китайски”, то есть ряду птиц, несущих признаки:

- быть драгоценной
- быть механической игрушкой
- быть райской птицей, давать возможность монарху погрузиться в сон и “лежа царством управлять”.

Во-вторых, принадлежит ряду петухов. Этот ряд в стихотворении Державина начинает “кречет на нашесте”, описание которого смежно темам власти и охраны границ /6/. Ему же

1. Петушок выступает здесь как эротический символ. В таком значении петух появляется у Пушкина, например, в знаменитом описании отчаяния Руслана после похищения Людмилы:

*Людмила нежны красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана <...>*

*Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал...*

(I, 94–95)

В интересующем нас эпизоде петушок выступает именно в таком значении, это дает нам возможность видеть в передаче петушка скопцом Дадону и передачу мужской силы. Такое значение петушка можно проследить на примере характеристик персонажей сказки. До получения петушка царь Дадон три раза охарактеризован как старик (“смолоду был грозен”, “под старость”, “старого царя”), при описании же хозяина петушка Пушкин ни разу не указывает на его возраст, называя его “мудрец”, “звездочет” или “скопец” — последнее знаменательно: перед нами персонаж, расставшийся уже со своей мужской силой и способный передать ее другому:

Петушок мой золотой

Будет верный сторож твой. (II, 275)

После передачи петушка Дадон более ни разу не назван старым. Скопец же, расставшись с петушком, напротив, стареет: первое указание на это подчеркивает именно процесс старения — “весь как лебедь поседелый”. Динамика старения скопца в последней сцене очень заметна:

поседельный → старый → старец → старик → старичок.

2. Посредством введения двух автоцитат Пушкин делает актуальной тему любовного соперничества, причем кроме очевидных — скопца и Дадона, соперником оказывается и петушок. Во-первых, это цитата из “Гавриилиады”. Во время борьбы со своим соперником-бесом Гавриил его

Х в а т и л в висок. Бес а х н у л , побледнел...
(I, 191)

Эта цитата объединяет два убийства в сказке: скопца и Дадона.

Царь х в а т и л его жезлом

По лбу. Тот упал ничком

Да и дух вон...

О х н у л раз и умер он

(II, 279)

(II, 279).

Во-вторых, Пушкин использует строчку из “Руслана и Людмила”. В первом издании поэмы он дал описание любовного бессилия Черномора, оканчивающееся стихами:

... но бремя поздних лет
Тягчит бесстыдника седого —
Стоная, дряхлый чародей,
В бессильной дерзости своей
Пред сонной девой упадает;
В нем сердце ноет, плачет он,
Но в д р у г р а з д а л с я р о г а з в о н . . .
(I, 597)

Звон этот свидетельствует о приходе юного соперника Черномора — Руслана. Этот же звон сопровождает и появление соперника-победителя Скопца и Дадона — Золотого петушка:

В д р у г р а з д а л с я л е г к и й з в о н ,
И в глазах у всей столицы
Петушок слетел со спицы ...
(II, 279)

Ситуация в целом — любовное свидание Дадона с Шамаханской царницей и петух-сторож — актуализирует легенду об Алектрионе, друге Марса, который был сторожем в момент свидания Марса с Венерой, не был бдителен и Марс превратил сторожа в петуха, — и, возможно, сцену из “Дон Гуана”, когда Командор стоит на часах во время любовного свидания своего соперника (Пушкин в другой сцене сравнивает Командора со стрекозой, затихшей на булавке, — в этом образе можно найти близость к петушку на спице).

Последний раз петушок появляется в финале: он ожидает и убивает Дадона. Это убийство может быть понято и как месть за смерть скопца (и тогда петушок выступает как сторож-волшебный талисман, который мстит за смерть хозяина), и как убийство соперника. Однако эта сцена может быть понята и иначе.

Финал сказки возвращает проблематику всего текста к теме царской власти. Золотой петушок, сидящий на темени у царя, — воплощение общекультурного значения петуха как символа власти. Некоторые исследователи видят в петушке даже прямую пародию на символ русской государственности — орла /9/. В данном отрывке петушок замещает другой символ царской власти — золотой венец, что актуализирует исходное отождествление петушка и Дадона: петушок, получая функцию царя защищать границы государства, “преподымает гребешок”.

В контексте проблематики царской власти петушок выступает и как нечистая, бесовская птица, осуществляющая возмездие. Иллюстрацией важности и актуальности этого значения для Пушкина может быть не включенный в окончательный текст отрывок из “Сказки о рыбаке и рыбке”: старуха, перед тем, как потребовать владычества морского, захотела стать “римскою папой”. Старик после исполнения желания старухи находит ее посреди “латынского” монастыря:

Перед ним в а в и л о н с к а я б а ш н я .

На самой <...> макушке

Сидит его <...> старуха.

На старухе с а р а ч и н с к а я ш а п к а ,

На шапке в е н е ц л а т ы н с к и й ,

На венце т о н к а я с п и ц а ,

На спице С т р о ф и л у с п т и ц а .

(II, 542–543)

Вавилонская башня здесь, конечно, символ неукротимой гордыни старухи. Но важно и то, что, во-первых, этот отрывок ведет к замыслу “Сказки о золотом петушке” /10/. Во-вторых, — появление в одном контексте птицы, сидящей на спице, и темы Вавилона (а также старухи, которая в пародийном ключе воплощает блудницу, сидящую на башне, — а не на “водах” или “на звере”; в основе пародии здесь — символическая тавтология, блудница воплощена дважды, в старухе и в башне). Этот отрывок демонстрирует актуальность библейской легенды о Вавилонской блуднице для сказки Пушкина.

Пророчество о грядущем падении “роскошествующего” Вавилона связано с птицей. Птица является знаком и причиной этого падения: “Паде Вавилонъ великій, и бысть жилище бесомъ и хранитель всякому духу нечистому и хранилище всехъ нечистыхъ и ненавидимыхъ птицъ” (Откр.18,2). В сказке Пушкина сначала скопец назван вместилищем беса (“или бес в тебя ввернулся”), потом он умирает (“да и дух вон”), — и именно в этот момент оживает петушок.

Второе значение птицы в пророчестве — она воплощает идею мести: “<Ангел. — Е.П.> ... возопи гласомъ велимъ глагола всѣмъ птицамъ паразитимъ посреде небесе: приидите <...> да съѣсте плоти црвей, <...> плоти коней и седящихъ на нихъ <...> птицы насытятся плотей ихъ” (Откр. 19, 17-21) /12/.

Тема смерти монарха, царя достаточно регулярно порождает эсхатологическую проблематику и, как правило, сопровождается появлением “роковой” птицы /11/ — знака и причины падения Великого царства. Так, например, в стихотворении Семена Боброва “Ночь”, которое посвящено событиям марта 1801 года, в качестве такой птицы выступает именно петух:

*В е р х и П е т р о п о л я з л а т ы е
Как бы колеблются средь снов;
Там стонут птицы роковые,
Сидя на высоте крестов. <...>
Се полночь! — петел восклицает
Подобно роковой трубе. <...>
Кто ждет в сии часы безпечны,
Чтоб превратился милый сон
В сон гроба ... /12/*

Мы видим, что самый беглый анализ демонстрирует нам неустойчивость, подвижность значений Золотого петушка (указанные значения, конечно, не исчерпывают всей символики сказки и не позволяют дать полный концептуальный анализ пушкинского текста). Однако можно попробовать сделать некоторые предварительные замечания о характере символики “Сказки о золотом петушке”.

Изменения значений Золотого петушка связаны с непредсказуемым движением сюжета сказки. Первое перевоплощение петушка превращает сюжет из построенного на идее защиты границ царства в эротический, второе — из эротического в сюжет о городе-блуднице.

Сюжет подобного типа имитирует художественный мир лубочной повести и близкого ей массового переводного романа, имена и образы “Бовы” Пушкин прямо использует в сказке. “Сказка о золотом петушке” — не первое обращение поэта к указанной традиции. Элементы ее есть и в “Руслане и Людмиле”. Специфичность алогичного и абсурдного сюжета и связь его с традицией лубка хорошо видны в подборке критических замечаний, которые были высказаны современниками Пушкина и которые он включил в предисловие ко второму изданию поэмы. Сюжет действительно близок романическому и лубочному, где герой каждую минуту как бы забывает, что с ним было в предыдущую: то засыпает богатырским сном в тот момент, когда нужно начинать бой, то не узнает близких, то случайно отламывает руки и ноги у окружающих, не рассчитав своей богатырской силы.

Традиция философической имитации массового романа в первую очередь связана с именем Вольтера. Влияние Вольтера на "Руслана и Людмилу" не вызывает сомнения у исследователей. В силу сюжетной и тематической специфики наиболее актуальным контекстом "Сказки о золотом петушке" является "Вавилонская принцесса" Вольтера. В центре повести — драгоценная птица, одним из символических значений которой является эсхатологическое — это роковая птица, поселившаяся в Вавилоне и знаменующая его падение:

"Клюв ее был розовый <...> Шея птицы отливала всеми цветами радуги, но более яркими, более ослепительными. Оперение играло тысячью золотистых оттенков, лапы были словно смесь серебра и пурпура, и хвосты тех чудесных птиц, которые впоследствии влекли колесницу Юноны, меркли перед ее хвостом" /13/.

Восточная роскошь, вавилонское великолепие в повести Вольтера делают этот город "раем на земле" и знаменуют особое отношение к миру — "философию наслаждения": "Все единодушно решили, что боги создали царей лишь для того, чтобы ежедневно устраивать празднества, — лишь бы они были разнообразны, — и что жизнь слишком быстролетна, чтобы заполнять ее чем-нибудь иным; что тяжбы, интриги, войны, богословские споры — все, что укорачивает человеческую жизнь, — бессмысленно и отвратительно <...> и что сущность человеческой природы — наслаждаться, все же остальное — суета. Эта превосходная мораль никогда не была опровергнута ничем, кроме фактов" /14/.

Это рассуждение не совпадает с позицией автора повести, что хорошо видно из последнего иронического замечания. Для автора эта превосходная мораль — лишь одно из множества мнений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Более того, Вольтер строит свою повесть так, что читатель, сопереживающий главным героям, — юным, добродетельным и прекрасным — постоянно разделяет пространственную и ценностную точку зрения этих героев. В результате, в конце повести Вавилон — уже не "рай на земле", а "огромный, надменный, развратный город" /15/. Таким образом, тема Вавилона, как и все в повести, имеет как бы несколько ипостасей: для героев Вавилон — это или воплощение превосходной морали наслаждения, или развратный город; для автора он символизирует сосуществование множества равноценных истин и мнений одновременно (что связано с библейской легендой о разделении языков). Таким образом, у Вольтера прерывистый алогичный

сюжет и неединообразие символики мотивированы философской позицией автора. Герой Пушкина — Дадон — неподвижен сам и не замечает, что окружающий его мир изменчив и неоднозначен. Но даже для бодрствующего читателя, наблюдающего со стороны, мир сказки не складывается в единую и непротиворечивую картину. Часть событий происходит как бы “за кадром”. Так, например, мы не знаем, что произошло с сыновьями Дадона, почему “рать побитая лежит”, и если сыновья Дадона сражались между собой, то почему о ба без лат, и т.д. Чтобы понять это, нам нужно предположить ряд сюжетных ходов, которые не отражены в сказке. Символика петушка строится аналогично сюжету: если он — символ мужской силы, то почему вначале он охраняет границы царства Дадона, почему при его криках в столице всех охватывает страх? Если он воплощает эсхатологическую птицу, то кто тогда скопец и куда пропала царица?.. Символические значения петушка несводимы в один сюжет, каждое же из них в отдельности обнаруживает семантические зияния в сказке. Пушкин нарочито разрушает любое последовательное движение семантики и сюжета в “Сказке о золотом петушке”, что особенно бросается в глаза на фоне тяготения позднего Пушкина к генерализации и мифологизации поэтического сюжета.

Примечания

- 1/ АХМАТОВА А.А. Последняя сказка Пушкина // Анна Ахматова. О Пушкине. — Горький, 1984; АЗАДОВСКИЙ М.К. Литература и фольклор. — Л., 1938; БОЙКО К.А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. — Л., 1979 и другие ее статьи смежной тематики; АЛЕКСЕЕВ М.П. Пушкин и повесть Клингера М.Ф. “История о Золотом Петухе” // Временник Пушкинской комиссии. 1979. — Л., 1982.
- 2/ ПУШКИН А.С. Стихотворения. — Т. I—III. — Л., 1955. Здесь и далее указания на это издание даются в тексте.
- 3/ ЯКОВСОН Р.О. Пушкин и его скульптурный миф // ЯКОВСОН Р.О. Работы по поэтике. — М., 1987.
- 4/ Иконологический лексикон. — СПб., 1763. — С. 224.
- 5/ ДЕРЖАВИН Г.Р. Анакреонтические песни. — М., 1987. — С. 139.
- 6/ Там же. — С. 137.
- 7/ ЛЕРМОНТОВ М.Ю. Полн. собр. стихотворений. — — Л., 1989.— Т. I. — С. 208.
- 8/ Поэты XVIII века. — Л., 1972. — Т. I. — С. 248-249. Показательно, что Львов противопоставляет нежному пению снегирия павлина

и петуха, пение которых не связано с личным переживанием, они поют и зимой, и ночью, их глас — глас славы, времени:

Пускай павлин, хвостом пушистый,

Своею славится трубой!

Петух, и ночью голосистый,

А ты, мой друг снегирь, не пой.

Их песни и сердца ж е л е з н ы

Почувствуют о г р о м н ы й г л а с . . .

9/ АЛЕКСЕЕВ М.П. Пушкин и повесть М.Ф. Клингера... — С. 81.

10/ На это впервые указала А.А. Ахматова.

11/ Интересно, что поздний вариант этой легенды уже включает элементы, восходящие к пушкинской сказке: "... Помню также рассказ того времени о какой-то черной птице, три дня до смерти Николая I сидевшей над спицом маленького бельведера на крыше Зимнего Дворца, как раз над его комнатой, и постоянно кричавшей каким-то зловещим голосом". — Кн. В.П. МЕЩЕРСКИЙ. Мои воспоминания. — Ч. I (1850–1865 гг.). — СПб., 1897. — С. 64.

В этом ряду Золотой петушок имеет еще одно значение, по крайней мере потенциальное, — царь Петр, медный сторож, соперник и мститель всякого царствующего монарха. Не случайно это значение присутствует у Ремизова — см. статью М. Безродного в настоящем сборнике.

12/ Поэты 1790–1810-х годов. — Л., 1971. — С. 127.

13/ ВОЛЬТЕР. Философские повести. — М., 1960. — С. 267. (перевод Н. Коган).

14/ Там же. — С. 262.

15/ Там же. — С. 324.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В ЧЕСТЬ
70-летия профессора
Ю. М. ЛОТМАНА

TO HONOUR
of professor Yu. M. LOTMAN

ТАРТУ 1992